

ИМПЕРСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ И СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ / IMPERIAL REGIONALISM AND SIBERIAN IDENTITY

Серия «История»
2012. № 2 (3), ч. 1. С. 13–19
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 94(571.53)

Сибирь в империи: империя в Сибири. Значение этнического фактора в окраинной политике Российской империи. Этапы становления и направления

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена изучению роли этнического и естественно-географического факторов в окраинной политике Российской империи.

Ключевые слова: окраинная политика, этносы, национальные элиты, географическая среда, административно-территориальное устройство, имперская идеология.

Рассматривая историко-типологические модели взаимоотношения центра и окраинных регионов России, следует отметить, что длительный и сложный процесс выстраивания этого взаимодействия отражал не только эволюцию идей и концепций развития государственно-политической системы Российской империи в целом. Отношения центра и периферии выстраивались не в безвоздушном пространстве, а в конкретных условиях Российской действительности. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Эти два понятия, несмотря на известные различия, в то же время тесно связаны между собой и как бы дополняют друг друга. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т. е. историческую и в то же время, географическую локализацию. Изолированное изучение этносов вне рамок конкретной природно-географической среды обитания не позволяет в полной мере раскрыть механизм формирования и функционирования подходов государства в отношении той или иной этнической группы. С точки зрения системного представления значимости и места окраин во внутренней политике империи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о роли естественно-географического и этнического факторов в окраинной политике. По своей структуре Российская империя была «составным» государством. В ее состав входили регионы, как со значительной степенью автономии, так и с локальным самоуправлением, но сильно интегрированным в административную систему империи. Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессио-

нального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении. Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных явлений этой многовековой истории стал процесс «собирания земель». Московские Рюриковичи и Петербургские Романовы рассматривали современную им Россию как наследницу земель и идей Киевской Руси. Не случайно в официальном титуле Российского самодержца наряду с землями, вошедшими в состав России в XVI–XVII вв. т. е. после завершения процесса объединения земель, содержалось упоминание Новгородских, Киевский, Псковских, Владимирских и иных территорий, являвшихся собственностью еще Древнерусского государства. Возникновение теории «третьего Рима» стало идеологическим обоснованием этой убежденности. Одной из форм ее реализации была внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для российского государства. Этот процесс можно наблюдать и на примере других «цивилизаций» Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере Европейских государств, США и России нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансия, как насильственное присоединение земель, от мирной колонизации, как, прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Российская колонизация – это не только хозяйственное, но властное, социокультурное освоение новых территорий, включение народов там обитающих, в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно, издавна наиболее чтимым святым на Руси был Никола Угодник, покровитель путешественников и торговцев. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии». Территориальная экспансия России на всех эта-

пах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то время сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой присущих каждой стране на любом этапе ее истории. Процесс «оцентрирования границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км с населением 178 млн человек (с Финляндией и Польшей к 1914 г.) К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или наоборот отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства импе-

рии в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы. На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в массовом порядке принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах коренного населения которых до прихода русских не знали письменного закона, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспешинной торговли с Россией в то время, как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность именно в области финансов. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи можно наблюдать и в Сибири. Уже в XVII в. применительно к этому Зауральскому краю по мере продвижения русских колонистов с Запада на Восток правительственные указы требовали не допускать столкновения «новоприходчиков» и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения ими основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Ясак, в совокупном обложении исчисляющийся в размерах гораздо меньше налогов русского крестьянства, являлся важной статьей государственных, а середины XVIII в. личных доходов Дома Романовых. Тем не менее, «инородцы», принявшие православие, в соответствии с действующим в империи законодательством освобождались на три года от уплаты ясака. Однако наиболее массовой льготой этнического характера стало решение правительства об

освобождении «инородцев» от военной службы, несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. О влиянии географической среды на экономику и социальные процессы в отечественной историографии пишут давно. Немало работ появилось и в последние 15–20 лет. Несмотря на определенные различия в походах к теме, исследователей этой проблематики в принципе объединяет то, что большинство авторов акцент в научных изысканиях делают на изучении одного аспекта этой сложной и многогранной тем – влияние географического фактора на хозяйственную деятельность человека. Социальную же сущность взаимодействия человека и природы, как представляется, наиболее отчетливо выражает тезис Л. Н. Гумилева, согласно которому этнос представляет собой ни что иное, как продукт процесса адаптации к определенному ландшафту. Поэтому думается, что в этом плане данная проблематика еще ждет своего исследователя. Мы же в связи с рассматриваемым сюжетом отметим, что природно-географический и тесно связанный с ним ресурсный факторы оказывали существенное влияние на окраинную политику России.

Исследователи истории Сибири более раннего периода единодушны в том мнении, что при выборе методов колонизации решающими являлись географический и фактор природных ресурсов. Огромная территория страны, удаленность центра от окраин делали центральную власть фактически зависимой от местной, ведь именно на основании информации с мест принимались решения в столице, именно эта удаленность вынуждала наделять местную власть большими полномочиями. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. В исследуемом хронологическом отрезке времени это были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов, как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, ... и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов. Зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления была тем шире, чем дальше находилось от центра подведомственная территория. Известное

значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы. Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. было принято ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д. На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в. в связи усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейшим стимулом к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии, и, как следствие, разработке единого законодательства.

1. Дамешек Л. М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Вестн. Бурятского научного центра Сиб. отд-ния РАН. Улан-Удэ, 2011. С. 61–66.

2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). 441 с.

3. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.

4. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. Иркутск, 2007.

**Siberia within the Imperial Context.
The Significance of the Ethnic Factor in the Suburban
Policy of the Russian Empire. Periods of Formation
and Main Tendencies**

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

The article examines the significance of the ethnic and natural-geographic factors in the suburban policy of the Russian Empire.

Key words: suburban policy, ethnic groups, national elite, geographical environment, administrative-territorial system, imperial ideology.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Lev Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru